

7. Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1956. Т. IV. Ч. 2. – С. 479, 483.
8. *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII – XX вв.: Избранные труды. – Екатеринбург, 2005. – С. 124 – 142.
9. *Гаврилов Д.В.* Экологические уроки исторического прошлого Урала // Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале. – Екатеринбург, 1997. – С. 6 – 7.
10. *Чернов Н.Н.* Лесное хозяйство Пермской губернии: Краткий исторический очерк. – Екатеринбург, 2004. – С. 11 – 13, 15 – 16.
11. *Чернов Н.Н.* Первопроходцы уральской лесной науки. – Екатеринбург, 2004. – С. 15 – 22.
12. *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч. в 12 т. – Свердловск, 1948. Т. 1. – С. 278.
13. *Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии: Быль в сказочной стране. – М., 1889. – С. 6, 102 – 103.
14. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVII – XIX вв.: Сборник документов и материалов. – Свердловск, 1956. – С. 160 – 292.
15. *Гаврилов Д.В.* Экологические проблемы Уральского горнопромышленного региона в конце XIX – начале XX вв. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. – Екатеринбург, 1992. – С. 89 – 121.
16. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. – С. 533 – 534.
17. *Гаврилов Д.В.* Экологические уроки исторического прошлого Урала. – С. 11.
18. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. – С. 736.
19. *Борейко Т.* О чём шумит уральский лес? // За власть Советов (Екатеринбург), 1990. № 5. – С. 5.
20. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С. 371; Удмуртская республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 453; Экономическая энциклопедия регионов России: Уральский федеральный округ. Свердловская область. – М., 2003. – С. 13.
21. *Лукьянчиков Н.* Одним кодексом лесные богатства эффективно не освоишь // Российская Федерация сегодня. – М. 2007. № 2. – С. 40 – 41.
22. *Санаев В., Моисеев Н.* Какая стратегия нужна русскому лесу? // Российская Федерация сегодня. – М., 2008. № 15. – С. 56 – 57.

D.V. Gavrilov
ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY
FOREST LANDSCAPES OF THE URALS IN THE PANORAMA
THREE CENTURIES (BEGINNING OF XVIII –
BEGINNING OF XXI CENTURIES)

The article analyzes the problem of ecological sustainability of the forest landscapes of the Urals in the course of three centuries, and the impact of this phenomenon in the whole history of industrial development of the region.

Key words: Ecology, forest landscapes, metallurgical industry, coal, iron

С.В. Голикова*

ВОСПОМИНАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
В ФОРМАТЕ ЭГО-ИСТОЧНИКА

В статье анализируется с теоретической и методологической точки зрения один из важнейших исторических источников – воспоминания, как вид исторической памяти

Ключевые слова: воспоминания, источник, историческая память

Из классической триады эго-документов: письма-дневники-воспоминания (перечисленным, разнообразие этого вида не исчерпывается), пожалуй, лучше всех источниковедами изучено мему-

* *Голикова Светлана Викторовна* – доктор исторических наук. ИИиА УрО РАН.

арное наследие [3, 4]. Однако воспоминания рассматривались ими чаще всего как источник личного происхождения с подчеркиванием его субъективности (благодаря избирательности и пристрастности человеческой психики), а не как форма исторической памяти.

Историческая - иначе культурная, социальная, в первую очередь, коллективная память стала одним из фундаментальных феноменов современной социальной и гуманитарной науки. Согласно наблюдению Л.П. Репиной, «... большинство специалистов понимают под “исторической памятью” совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе, как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» [2 с. 184].

Конечно, исследуя историческую память, специалисты давно и успешно привлекают самые разнообразные мемуарные материалы. Обратная операция: осознание того, что воспоминания как репрезентацию прошлого, его производство, институционализацию, поддержание и передачу можно изучать с помощью обращения к концепту «историческая память», - в познавательных стратегиях историков производится, на наш взгляд, значительно реже.

Обращение к воспоминаниям как производной исторической памяти позволяет использовать багаж, накопленный в результате формирования в последние десятилетия в социально-гуманитарных науках и стремительного развития «мемориальной парадигмы» [1]. Являясь одним из способов организации социальной памяти, воспоминания должны быть введены в «мемориальную проблематику». Это позволит понять, как устроены воспоминания, прежде всего в подвижном информационном пространстве XX в. (о революциях, войнах, терроре) и тем самым выйти на уровень более углубленного и нюансированного восприятия смыслов, заложенных в мемуарной литературе. Если мы «приравниваем» воспоминания к исторической памяти, следовательно, рассматриваем их как институт создания, хранения и трансляции такой памяти, то разработанные на сегодняшний день подходы к изучению этого явления многое помогают понять и в механизмах формирования индивидуальной памяти в контексте нарративов современной культуры. Эвристический потенциал истории памяти вполне может быть поставлен на службу источниковедению и обогатить культуру пользования эго-документами, продвинуться в важном вопросе исследования природы видовых свойств источников личного происхождения.

В первую очередь, в связи с тем, что исследования памяти («memory research», «memory studies») в основном разрабатывались с учетом дихотомии личное/коллективное, они помогают разобраться с диалектикой общего и частного в мемуарах, которая предстает как проблема взаимодействия частных воспоминаний и публичных коллективных нарративов.

Воспоминания принято рассматривать и даже специально акцентировать на этом внимание как исключительно личностный взгляд на историю. Однако в воспоминаниях память предстает не только как феномен индивидуальной психологии. Созданные в этом жанре тексты можно рассматривать и как коллективное измерение

мемориального письма. О влияние социальных групп на организацию и динамику индивидуальной памяти писал еще М.Хальбвакс.

Для исследователей ценен приватный опыт проживания авторами воспоминаний даже величайшего исторического события, будь то революции, войны и т.п. В результате обращения к этим историям «из первых рук» появляется ощущение неформального и предельно личного контакта с прошедшим. Ведь при создании текстов мемуаристы отдавали предпочтение собственной памяти и устным источникам. Для авторов же сущность и смысл документирования своего прошлого заключается в ином, но также личном посыле - позиционировать себя как очевидцев описываемого времени, воссоздание которого, как они полагают, будет тем более аутентичным, чем больше персонафицированных свидетельств окажется в распоряжении историков.

При введении в научный оборот ретроспективного эго-источника также важно понять, что в нем от индивидуального восприятия прошлого, а что от коллективных представлений, вернее, как преломляет механизм устройства такого текста коллективное в личное и наоборот. Эти же вопросы волнуют мемуариста. Излагая последовательность событий и определяя их значение, автор чаще интуитивно иногда осознанно решает вопрос: каким образом лично мною пережитое сочетается с публичными нарративами об этих событиях. Воспоминания, таким образом, могут быть представлены в качестве интеллектуально-эмоционального конструкта, информация в котором оказывается организованной относительно свободно. Из частной истории она может трансформироваться в масштабное историческое обобщение, а может остановиться на любом этапе этого пути, и тогда воспоминание останется просто личным переживанием или вспоминающий идентифицирует себя с какой-либо общностью или произойдет сопряжение с национальным и даже универсальным межпоколенческим, транснациональным нарративом. Индивидуальное видение прошлого мемуарист представляет как социальный опыт. Язык его самоописания в какой-то мере должен подчиниться логике введения персональной составляющей в исторический контекст.

В последствии, над аналогичными приемами «упаковывания» прошлого в мемуарном тексте размышляет историк, смутно догадываясь, что историческая память в процессе создания личного свидетельства заставит работать на себя авторитет его автора, как очевидца и участника события. Одинаковые вопросы предполагают схожие действия по нахождению приемлемых решений. Дешифруя «сообщение» мемуариста исследователь может поставить себе на службу наработки истории памяти. Например, избирательный характер памяти всегда связывался с предвзятостью восприятия отдельного лица, с его забывчивостью. Однако забвение некоторых вопросов в мемуарах продиктовано природой коллективной памяти. Исследования, посвященные исторической памяти, хорошо показали, что чередование периодов забывания того или иного события либо сложившихся взглядах о нём, а затем периодов припоминания этого события определяются ситуациями радикальных социальных изменений - своеобразных разрывов между поколениями, транслирующими опыт прошлого.

Вслед за переписыванием истории следует «чистка», приведение «в порядок» личной памяти. Императив настоящего заставляет людей задавать своей памяти новые вопросы. Переживая прошедшее еще раз уже с учетом (или под давлением) перемен, носитель личной памяти осуществляет связь образов прошлого с интенциями современности. Его действия зависят от культурной политики и социальной инженерии. Он вполне в состоянии по новым «лекалам» предпринять операцию моделирования прошлого, осуществить его социальное конструирование.

Темпоральная установка мемуариста: глядя из «сегодня» во «вчера» и имея в виду «завтра», - ясно показывает, что одним из условий производства мемуарного текста оказывается сопряжение индивидуального и социального времени. Оно позволяет человеку определить временную перспективу своего персонального прошлого. Историческая память «удлиняет», «углубляет» личную память, позволяет вписать ее в многообразные контексты, следовательно, способствует ее трансформации. В ретроспективных текстах в жизнь «маленького» человека вторгается «большая» история, и личное, помещенное в пространство памяти, постигается через воспоминание или забвение. Рассказы о прожитом и пережитом становятся способом и формой мемориализации и забывания.

Именно в интерпретациях социальной памяти такие явления как ностальгия, травма выросли до уровня социокультурного понятия. Ранее психология предпочитала использовать их при характеристике отдельных личностей. Сегодня же историческая память как «дискурсивная практика» при всем разнообразии подходов чаще всего сводится либо к преодолению травматического опыта в ходе «проработки» прошлого, либо к ностальгическим воспоминаниям о «прекрасном и невозвратном» мире прошлого.

Сложный характер взаимодействия воспоминания-забвения, раскрытый исследователями исторической памяти, по-новому ставит перед источниковедением и когнитивной историей вопрос о человеческой памяти как инструменте познания прошлого. Из этого прошлого человечество не только воспроизводит «избранное», но постоянно последнюю версию переписывает. Приступая к анализу воспоминаний, историк должен представлять по каким критериям и с помощью каких механизмов формируется эта «выборка». Прежде всего, отдавать себе отчет о том, что в мемуарной литературе он встречается с двухуровневой субъективностью: поскольку личный опыт человека все равно проходит сквозь фильтры категориального, общего. Социальное опосредование восприятия мира мемуаристом предстает как результат процессов, происходящих в «сообществах памяти», в памяти поколений, в «культурах воспоминаний». Написание воспоминаний оказывается социально-психологической практикой, имеющей возможность апеллировать к личному опыту и к историческим сценариям. Индивидуальное видение прошлого мемуарист стремится представить как социальный опыт.

Историческая память может стать одной из возможных аналитических моделей для раскрытия лабильной природы отношений между личным и общим в мемуарной литературе. Хорошо известна

декларация: в эго-источниках сквозь призму личного восприятия отражена эпоха. Механизм этого явления (далеко неоднозначный и разнообразный), относится к исследовательской «кухне», которую, как ни странно, многие историки стараются оставить за рамками своих текстов. Проблематика множественности идентичностей и фрагментации памяти в современных исследованиях, понимание роли знаково-символических систем в процессах формирования индивидуальной памяти создает предпосылки для анализа сложной проблемы учёта всего многообразия значений и эмоций, связанных с образом прошлого, а также отдельных нетипичных и статистически незначимых мнений, имеющие место в воспоминаниях различных людей.

Двуединный процесс приватизации/обобщения памяти происходящий при написании воспоминаний, предоставляет возможность осуществить «присвоение» прошлого в иных условиях - «совладать» с ним с учётом разнообразных личных свидетельств. Поскольку в современных условиях вопрос сводится не к тому, доверять ли личному, частному опыту, а о том, как грамотно использовать многочисленные версии воспоминаний о «мире, который мы потеряли».

Литература:

1. *Васильев А.Г.* Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 19-49.

2. *Ретина Л.П.* Историческая память как понятие и как проект // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 183-186.

3. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. – 310 с.

4. *Чекунова А.Е.* Русское мемуарное наследие второй половины XVII - XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. М.: Российское университетское издательство, 1995. – 136 с.

S.V. Golikova
MEMORIES: HISTORICAL MEMORY
THE FORMAT OF THE EGO-SOURCE

The article analyzes the theoretical and methodological point of view one of the most important historical sources - memories as a kind of historical memory

Keywords: memories, source, historical memory

К.И.Зубков*

ВТОРАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ²²

В статье анализируются экономические, технико-технологические, социальные и геополитические последствия второй промышленной революции (1870–1914 гг.), основные противоречия в ее развитии. Доказывается, что вторая промышленная революция, с одной стороны, вызвала беспрецедентный рост взаимозависимости экономического развития ведущих стран мира, с другой, резко обострила международную конкуренцию. Повышение ценности ресурсного и пространственного факторов индустриального прогресса способствовало возникновению водораздела и конфликта между двумя типами развития промышленного капитализма, что явилось главной причиной возникновения Первой мировой войны.

Ключевые слова: вторая промышленная революция, капитализм, колониализм, геополитика, Первая мировая война, ресурсы, территория.

* Зубков Константин Иванович – кандидат исторических наук. ИИиА УрО РАН.

²² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625)